

В. В. ВАСИЛЬЕВ

*(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)*

Маятник иллюзий: ускользнувшее Я (к вопросу о статусе субъекта в философии Канта)

Великая заслуга Канта состоит в том, что он привил философской Европе способность критической рефлексии. Но плоды его реформы проявились не сразу. Они очевидны скорее в наши дни. Кант очень современный философ, отчасти потому, что он — «идеолог глобализации», которая возможна в бесконфликтном варианте лишь при опоре на ту самую критическую рефлексию, которую он так высоко ценил.

В конце же XVIII века реформы Канта вызвали резкую ответную реакцию, Германию захлестнула догматическая философия нового образца, но тем не менее догматическая. В чем причины этого феномена? С одной стороны, можно говорить об общефилософских тенденциях, о том, что Кант был слишком радикален в своем критицизме и именно поэтому вызвал ответную волну. Однако не исключено, что истоки послекантовской спекулятивной реставрации следует искать в его собственной философии. Впрочем, высказанные тезисы не противоречат друг другу. Это я и покажу. Главная идея состоит в том, что здесь имело место нечто подобное эффекту маятника. Отказываясь от прежних догматических положений, Кант как бы проскочил среднюю «критическую» позицию и впал в новую крайность. Фихте заметил это обстоятельство и качнул маятник, по сути, на прежнюю позицию, пусть и опосредованную Кантом.

Основные новации Канта связаны с его критикой традиционной метафизики как науки о сверхчувственном бытии, в том числе одной из ее основных частей — рациональной психологии как учении о Я как субстанции, а также с проектом «коперниканской революции». Первое — негативная часть его

системы, второе — позитивная. Позитивная часть, т.е. коперниканский проект, связана с учением Канта о том, что мыслящее Я, рассудок является источником законов природы и поэтому может познавать ее априори.

И здесь вопрос: насколько эта теория соответствует кантовским же «критическим» критериям? Для ответа надо обратиться к истокам коперниканского проекта. Как известно, этот проект Канта оформился в середине 70-х гг. [1; 3]. Но в то время он был связан с «некритическим» учением о Я как субстанции и ноуменальном предмете интеллектуального созерцания. В самом деле, в лекциях второй половины 70-х гг. Кант сообщает, что «Я есть абсолютный субъект» [2, Bd. 28, S. 225—226], непосредственно созерцаемый самим собой [2, Bd. 28, S. 226], причем не чувственно, как он уточнял в других лекциях, а «originaliter» [2, Bd. 29, S. 15], т.е. интеллектуально. Кант без колебаний признает Я ноуменом в «Reflexion 5109», черновом наброске, созданном, по Э. Адикесу, в промежутке между 1776 и 1778 г. Отмечая здесь, что «Душа не есть явление», он утверждает, что «как ноумен в нас» она вместе с тем «действительно содержит в себе условие всех возможных явлений» [2, Bd. 18, S. 91].

Иную картину мы видим в «Критике чистого разума» (1781). Здесь Кант решительно выступает против «подмены гипостазированного сознания», т.е. того, чтобы «единство синтеза мыслей принималось за воспринятое единство в субъекте этих мыслей» [A 402], подчеркивая, что у нас нет никакого созерцания Я: «Единство сознания ... есть лишь единство в мышлении» [B 422], или: «Хотя Я имеется во всех мыслях, с этим представлением, однако, не связано никакого созерцания, которое отличало бы его от других предметов созерцания. Поэтому хотя и можно воспринимать присутствие этого представления во всяком мышлении, но не то, что оно есть некое устойчивое и постоянное созерцание» [A 350].

Таким образом, в «Критике чистого разума» Кант занимает прямо противоположную позицию относительно 70-х гг. Он не говорит, что не знает, является ли Я единством мышле-

ния или мыслящей субстанцией, данной самой себе в интеллектуальном созерцании, а выбирает одну из альтернатив, заявляя, что Я есть лишь единство мышления. Перед нами явный эффект маятника. Кант словно проскочил среднюю позицию, которая, как представляется, гораздо лучше отражала бы критический дух его философии.

Отметим, правда, что при такой нейтральной позиции Кант не смог бы полностью реализовать свой коперниканский проект. Но он неисполним и при той трактовке Я, которая представлена в «Критике чистого разума». Если Я не субстанция, то оно не может быть источником синтетической деятельности, объединяющей и упорядочивающей явления природы и придающей им законосообразную форму.

Так или иначе, но если бы Кант занял нейтральную позицию в вопросе о статусе Я, т. е. если бы он не стал решать, что это такое — субстанция или одна лишь форма мышления, а принял бы это Я как некую неартикулируемую данность, то Фихте было бы труднее качнуть маятник назад, восстанавливая учение об интеллектуальном самосозерцании Я. А если бы он не восстановил это учение, дальнейшие гиперболизации идеи Я были бы затруднены. Мы имели бы совершенно другую историю субъективности. Оставаясь аксиологическим Абсолютом, Я не превратилось бы в Абсолютное Я, прозрачное для человеческого познания, и чуть позже, после утраты веры в сверхчувственное, трансформированное в Я Сверхчеловека со всеми разрушительными последствиями такой трансформации. Некритичность всегда питает иллюзии, удел которых — полная аннигиляция.

Список литературы

1. *Carl W.* Der schweigende Kant: Die Entwuerfe zu einer Deduktion der Kategorien vor 1781. Goettingen, 1989.
2. *Kant I.* Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Berlin: de Gruyter Verlag, 1900ff.
3. *Werkmeister W.H.* Kant's Silent Decade. Tallahassee, 1979.